

Виктор Пелевин

Смотритель.
Том 2. Железная бездна

ФТМ

Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин

Виктор Пелевин

**Смотритель. Книга 2.
Железная бездна**

«ФТМ»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пелевин В. О.

Смотритель. Книга 2. Железная бездна / В. О. Пелевин —
«ФТМ», 2015 — (Единственный и неповторимый. Виктор
Пелевин)

ISBN 978-5-699-83419-8

Алексис де Кижэ – Смотритель Идиллиума, нового мира, созданного Павлом Алхимиком и Францем-Антоном Месмером во времена Французской революции. Алексис – Блуститель миропорядка. Он создает Всё из Ничего и за этой работой беседует с Четырьмя Ангелами. Он равен Богу. Но... Смотритель сам не знает, кто он и откуда взялся. А выяснить это необходимо. Иначе он не станет настоящим Мастером и никогда не сможет сказать: «Мир – волшебный кристалл с безмерным числом граней, и повернуть его всегда можно так, что мы рассмеемся от счастья или похолодеем от ужаса...» О чем эта книга на самом деле, будет зависеть от читателя – и его выбора.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83419-8

© Пелевин В. О., 2015
© ФТМ, 2015

Содержание

I	6
II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктор Пелевин

Смотритель. Книга 2. Железная бездна

© В. О. Пелевин, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*И Андрей закричал: «Я покину причал,
если ты мне откроешь секрет!»
И Сиддхартха ответил: «Спокойно, Андрей,
Никакого причала здесь нет...»*

*Ветхая Земля, неизвестный автор
(Из архивов Железной Бездны)*

I

Латинский дневник Павла Алхимика (1790–1801, тайная часть)

1790

Крысы, котята, голуби, стрекозы, мухи – все они выглядят здоровыми, но дух не желает входить в их тела. Вернее, дух входит – но не остается надолго. Прежде чем испустить его, мои несчастные создания делают несколько вялых движений, и, хоть на это время они неотличимы от живых существ, краткий миг их бытия слишком мимолетен.

Так же, наверное, дрожало бы мельничное колесо, если бы вместо речной струи на него вылился кувшин воды. Водопад жизни где-то рядом, но дотянуться до него я не могу.

Как пригласим мы дух в материю? Как вдохнем Улыбку Авроры в новый мир?

Я делаюсь чувствителен и плачу после своих неудач. Больше никаких синеглазых котят – особенно если их хватает лишь на один грустный взгляд. Только крысы, лягушки и пауки.

Брат Бенджамин уже ждет нас на том берегу; он сообщает, что чувствует себя чудесно и словно сбросил двадцать лет. Поистине, Флюид может все – но отчего его сила не желает проявить себя в моей работе?

1791

Гроза, осветившая сегодня ночную террасу, страшно исказила лица мраморных истуканов, и на миг мне сделалось жутко от их общества. Но одновременно в мою душу упал луч света. Я понял наконец, в чем ошибка.

Отчего-то я решил, будто муху или стрекозу создать легче, чем человека. Так, может быть, обстоят дела для Высшего Существа – но не для меня. Сколь мало я знаю о мышах и пауках, и сколь многое – о людях! Не проще ли мне будет достичь цели, приступив сразу к задаче великой и сложной, но внятной во всех ее частях?

Флюид может все, повторяет брат Франц-Антон – и я знаю, что он прав. Путь и троп вокруг нас бесконечно много, но слабый человеческий ум не видит окружающего ландшафта во тьме своего неведения – до тех пор, пока не сверкнет случайная молния прозрения...

Сегодня я счастлив.

1792

Один из кадавров сказал сегодня что-то похожее на “Пить” – или, быть может, это мои надежды заставляют меня различать слова в их предсмертном хрипе.

Вскрытия раз за разом показывают, что полученные из Флюида тела совершенно неотличимы от человеческих. Отчего же мне не удастся создать пригодный к делу ум? Флюид не ошибается. Значит, что-то делаю неверно я сам.

Мне не дает покоя одна мысль. Мы, члены тайного Братства, дали клятву освободить человечество от мук. Но как можно победить страдание, не постигнув его природу? Сводя причины к материальным, мы сильно упрощаем дело – сколько богатых красавцев закончили жизнь, бросившись на шпагу, свою или чужую... Были, говорят, в восточных странах мудрецы, говорившие о причинах страдания. Но есть ли у боли причина иная, чем сама боль?

Мне не хватает сосредоточенности ума.

1793

Вот что открылось мне во время ночных раздумий: говоря, что любой человек – “дитя своего времени”, мы имеем в виду, что он воспитанник не столько своих родителей, сколько толпы. Он созревает из чужих мнений, впечатлений, опыта – словом, из потоков Флюида, проходящих сквозь чужие умы и души. “Личность” – творение всего человечества или хотя бы значительной его части. Именно это должна учесть моя алхимия.

Уловить в свои сети поток Флюида, как бы окрашенного в цвета чужих душ, захватить внимание и веру других умов – и направить их в сердце кадавра. Только так можно заставить мир согласиться с моим актом творения. Сами люди должны оживить моего питомца – так же, как они оживляют своих детей, идолов, богов и святых. Лишь тогда Флюид обретет требуемый модус.

Вот путь. Но я не буду шарахаться из стороны в сторону. Сперва следует составить подробный и выверенный во всех деталях план. Многое нужно взвесить не единожды, но трижды.

Не спешить, только не спешить.

Брат Франц-Антон пишет о серьезных проблемах, омрачивших наши опыты на том берегу. Несколько лучших медиумов мертвы. Созвездия нам не по зубам.

Но в наших планах это ничего не изменит – исход уже необратим. Следует полностью сосредоточиться на поставленной задаче.

В Париже все идет как задумано. Но боюсь, что смутой дело не кончится – брат Бенджамин посеял такой ветер, который будет приносить хорошие проценты не один десяток лет. Верно говорят – когда появляется много свободных умов, впереди великая война. Ибо лишь в ней они обретут окончательную свободу от темницы тела.

Рыцарь Справедливости сказал сегодня, что практики Мальтийского Ордена по высшему сосредоточению восходят в своей сути к учению бритоголовых монахов. Брат Франц-Антон тоже говорил, что этому учат на Востоке.

Перебравшись на тот берег, изучу сии науки глубоко.

1794 (?)

Сегодня, обдумав все в последний раз, стал действовать. Мой план подробен и точен; колебаться уже не следует – только неукоснительно выполнять.

Я начал с того, что незаметно исправил один из оставленных на подпись приказов по производству в офицеры. Добавив пером несколько крошечных черточек, я сделал из половинки слова, перенесенного на другую строку, новое живое существо по имени “подпоручик Киж” (ах, если б и в лаборатории все было так просто).

Я на всякий случай придал содеянному вид описки, могущей быть истолкованной двояко – чтобы не засекали беднягу писаря за подлог, если фокус не пройдет. А потом запутал дело еще сильнее, зачеркнув строку с новорожденным – и дописав сверху “Подпоручик Киж в Караул”.

Когда наступила ночь, глухая и безлунная – я, зная, что приказ мой уже переваривается медленным умом канцелярии, совершил следующее: спустился из окна, держась за канат, почти до середины стены – и, повиснув над кустами, закричал громким, как возможно, голосом “Караул!”.

Через минуту я был уже в своей спальне. Как отраднo, что тело мое еще позволяет подобные упражнения!

На следующий день я потребовал доклада, кто кричал “Караул” под моими окнами. Замысел мой прост, как все умное: Киж-описку могли бы позабыть, но офицера, назначенного лично императором в караул – уже нет. А если в эту же ночь неизвестный прокричит “Караул” под императорской спальней?

В умах дознавателей будет посеяно следующее: в караул назначен Киж, Киж нигде нет. Под окном кричали “Караул”, кричавшего тоже нигде нет. Верно, “Караул” и кричал этот Киж – кто же еще?

Одно зацепится за другое, пойдут толки – и смятенные умы оплодотворят друг друга. Эти круги на воде будут отныне воспроизводить себя сами – но я намерен помогать им при каждом случае.

Чтобы не посмели свести все к недоразумению, изобразил великий гнев. Разбил стеклянную ширму, ущипнул беднягу адъютанта. Он покраснел, улынулся – и посмотрел на меня так, что покраснел уже я. Я до этого и не подозревал, что он *le bougre*, или, как говорят у них в казарме, жопник. А ведь я присматриваюсь к людям... Верно, впредь надо будет принимать.

Кстати, отчего любителей этого сурового солдатского удовольствия называют по-французски “болгарами”? Обратное было бы понятней. Видимо, История еще не открыла нам всех своих тайн.

Только что доложили – “Караул” кричал *подпоручик Киж, коего ищут, но не могут найти*. Все совершилось, как задумал.

Велел, как отыщут, сослать в Сибирь пешком – и приказ о сем вывесить везде, где возможно.

Теперь я не дам им его забыть.

1800

Брат Франц-Антон сообщает, что медиумов потребно будет скрыть “наверху” – там же, где мы возведем сокровенный Храм. Он не может объяснить причину в письме. Обещает рассказать при встрече и зовет скорее присоединиться к Братству на другом берегу.

Брат Бенджамин построил новую стеклянную гармонику и жаждет сыграть на ней лично для меня. Сердечные мои друзья, как не хватает мне вас на севере... Думаю о вас со слезами на глазах. Как одинок я среди здешних осин, на каждой из которых висит по хорошему иуде!

Императору, однако, сложнее устроить побег – ибо он есть заключенный, охраняемый сотнями часовых, отмечающих каждый его чих и движение. Но я придумал поистине изящный выход. Здесь мне поможет мой Киж – он, верю, созрел уже достаточно для того, чтобы шагнуть из небытия в бытие.

Его истории позавидует иной искатель приключений: был опиской, сделался офицером, потом сосланным злоумышленником. Вернулся, женился на фрейлине, произведен в капитаны, потом в полковники, а скоро будет и генералом. Он стал уже и отцом – что, замечу, вблизи казармы нетрудно даже для призрака. Совсем живой человек. И хоть никто его не видел глазами, умственно его касались многие.

Шпионы доносят, что его принимают за родственника Олсуфьева. Другие называют его беглым шуаном. Словом, про него ходят легенды.

Теперь осталось перейти к финалу.

Чтобы родиться, Кижу придется умереть. А поскольку он не человек, а умственный вихрь, возникающий во множестве сознаний, смерть его будет заключаться в том, что вихрю этому придется покинуть приютившие его головы, как душа покидает тело. Эту искусственно выращенную душу я и предполагаю пригласить в гости, чтобы оживить созданный мною кадавр.

Сейчас о Кижэ знают многие – но думают о нем лишь изредка и случайно, как о любом другом человеке. Смерть его и похороны нужны для того, чтобы о нем вспомнили все – одновременно и вместе.

Как только вихрь Флюида обретет требуемую плотность, я уловлю его, отделию от основы – и направлю в грудь своего нового создания. Именно этого легчайшего касания, этой капли эссенции и не хватало моим опытам до сих пор.

1801

Итак, сегодня свершилось.

Хоронили Кижэ. За лакированным гробом на лафете несли ордена, шел полк с опущенными знаменами, ехали кареты. Рыдала безутешная вдова. Отдавал честь малыш сынишка. Толпа напирала со всех сторон.

Я выехал на мост на жеребце, черном, как зрак ночи. На голове моей была Шляпа Могущества, скрытая в черной треуголке – дар Франца-Антонэ. Когда гроб везли мимо, я поднял над головой Жезл № 2, симпатически связанный с камерой в моей лаборатории.

Я почти телесно чувствовал поток связанных с Кижэ прощальных мыслей, витающий над головами (служил, любил, обласкан императором, заговор, измена... многие шептались, что, снисходя к прежним заслугам, император велел бедняге принять яд, чтобы сохранить наследство вдове... чего только не думали о покойном). Но стоило мне воззвать к силе Флюида, как поток этот замкнулся на мне – и устремился в мой Жезл.

Словно невидимый вихрь поднялся над толпой – и, свернувшись в узкую воронку, втянулся в мой алхимический инструмент. Но сию картину видел оком мудрости один лишь я; для толпы же происходило иное.

Я держал Жезл как шпагу. Он действительно походит на нее блеском и длиной – так что все обратившиеся ко мне бесчисленные лица увидели: император салютует усопшему. Немало было таких, кто прослезился – и дал мне дополнительную силу.

Жезл завибрировал в моей руке; уловленный им вихрь Флюида устремился в лабораторию, где в стенной нише висел на цепях кадавр, подключенный к магнетическому баку.

И когда, глядя на салютующего шпагой императора, площадь глухо заволновалась, я узрел оком мудрости, как кадавр в моей лаборатории открыл глаза.

Через полчаса я был уже там.

У него мое лицо, мое тело... Создавший его Флюид весь прошел через меня, так что в известном смысле он и я – одно. Страшно было смотреть в его глаза. Но еще страшнее – услышать первые его слова:

“Мука! О, мука жизни! За что, аспид, ты обрек меня на жизнь и смерть?”

Никакого ликования от удачи не осталось в моей душе; осталась только грусть. Я вспомнил то, о чем думаю теперь постоянно. Все тайные братства Земли хотели сделать людей счастливыми, не понимая до конца ни человеческой боли, ни счастья. Поэтому они лишь множили страдания.

Разве может доктор вылечить не понятную ему болезнь? Безумно даже надеяться достичь в таком деле успеха. Вот что нужно прояснить окончательно, вот чему следует посвятить усилия души – вижу теперь, что эта алхимия важнее всех прочих. Надеюсь, у меня будет для нее время.

“Так ты не рад жизни, братец?” спросил я.

Киж отрицательно покачал головой – но я подметил, что глаза его блестят наихитрейшим образом. Я тут же понял: он мало того что рад до безумия, но хочет еще и получить от меня солидную компенсацию за свою удачу. Поистине, какую еще аниму можно уловить в нашем сыром северном воздухе, среди воров, заговорщиков, пьяниц и гниющих по болотам трупов?

“Изволь, мой друг”, сказал я мягко, “ловлю тебя на слове. Я позволю тебе вернуться в небытие. Для того я тебя и создал”.

Его лицо исказилось ужасом.

“Не пугайся, не пугайся”, продолжал я. “Если ты выполнишь назначенное мной, я оживлю тебя вновь”.

“Как ты оживишь меня?”

“Той же силой, что создал”.

“Сумеешь ли ты это сделать?”

“О да”, ответил я без колебаний. “Ибо ты уже есть, и снова затянуть тебя в глину мне несложно. Ты будешь награжден за свою службу. Ты и твое потомство. Император не обманет”.

“Клянешься?”

Отчего-то мне показалось, что он пьян. Возможно, я и сотворил его таким.

“Клянусь”, ответил я.

Киж несколько раз моргнул.

“Другого выхода ведь нет?”

Я развел руками.

“Что мне нужно сделать?” спросил он.

Он хоть и пьян, а разумен, подумал я, и соображает проворно. Нет, не зря я столько лет повышал его в чине.

1801, февраль

Киж верит, что я верну его к жизни в счастливом месте. Правда, его представления о счастье вульгарны донельзя, но в этом не моя вина. Чувствую уже, что взвалил на себя еще одну великую ношу...

Несколько минут я сидел в неподвижности, размышляя о прочитанном.

Я никогда не придавал большого значения своему происхождению, считая его просто счастливым – или несчастным – лотерейным билетом, выпавшим мне при появлении на свет. Но теперь выходило, что билет был... не то чтобы фальшивым, раз по нему давали выигрыш, но каким-то очень сомнительным.

Чей же я потомок? Лабораторной крысы?

– Ты потомок Павла Великого, – сказал Ангел Воды.

– Если я потомок Павла, – отозвался я, – то почему ношу фамилию де Киж?

– «Де Киж» означает «созданный из Флюида».

– Так почему я тогда потомок именно Павла, а не Киж?

– Потому что Павел и Киж – это одно и то же. Павел сотворил Киж по своему образу и подобию. Это был его физический двойник, а после переселения в Идиллиум они как бы стали одним потоком Флюида, поочередно проявляющим свои противоположные аспекты. Трагизм – вернее, комизм ситуации был в том, что личность Киж, уловленная шпагой Павла в гнилом петербургском эгрегоре, оказалась примитивной и низменной. Это был некий усредненный петербургский прапорщик – туповатый пьяница, склонный к распутству, но не лишенный хитрости. Мало того, у него были даже известные способности по управлению Флюидом, унаследованные от создателя.

– Какие?

Ангел улыбнулся.

– Ты об этом еще узнаешь. Скажем так, они произвели впечатление на самого Павла, которого вообще-то было трудно удивить. В общем, никакой технической разницы между потомством Павла и Киж не существует. Поэтому Павлу оказалось несложно выполнить первое обещание, данное Киж в обмен на его самопожертвование.

– Что он обещал?

– Ты мог бы догадаться. Он обещал, что роду де Киж будет принадлежать высшая власть в Идиллиуме. Это обещание неукоснительно исполняется – все Смотрители носят фамилию «де Киж». Правда, несколько поменялся смысл выражения «высшая власть».

– А почему наш род... Если это вообще можно назвать родом... Почему он такой большой? Де Киж в Идиллиуме можно найти почти под каждой крышей.

– Отнюдь не первый случай в истории, – ответил Ангел. – Чуть ли не четверть жителей Центральной Азии – прямые потомки Чингисхана. Это связано со сластолюбием древнего властителя – и с широкими возможностями по его удовлетворению, которое давала административно-кочевая деятельность. На войне и в любви Чингисхан мыслил табунами, и в последнем отношении Киж оказался весьма на него похож.

– С Чингисханом понятно, – сказал я. – Но откуда такие возможности появились у Киж? Он же вроде не был завоевателем.

– Не был, – согласился Ангел. – Но Павел дал ему в Петербурге еще одно ручательство, которое оказалось несколько легкомысленным. Он обещал, что Киж будут принадлежать красивейшие женщины нового мира. Прельстил его, так сказать, обещанием гурий... Павел говорил метафорически. А Киж понял все буквально – и, когда Павел вернул его к жизни в Идиллиуме, в первую очередь напомнил именно об этом.

– И чем кончилось? – спросил я.

– Кончилось? С этого все только началось. Павел был воспитан в традициях романтического рыцарства и не мог взять назад свое слово – особенно данное человеку, согласившемуся за него умереть. Для Павла настали тяжелые дни. Ему приходилось постоянно заводить интрижки с фрейлинами и красавицами. Те, конечно, не могли устоять перед чарами великого алхимика. А цветы наслаждения срывал за него Киж – поскольку их сходство было абсолютным.

– Как Павел согласился на такое?

Ангел засмеялся.

– Павла мало интересовали телесные радости. А ходившая о нем куртуазная слава весьма устраивала его в качестве одной из масок, которые он так любил. Легенда о Галантном Алхимике, все эти «пятьсот любовниц Павла Великого» и прочие мифы берут свое происхождение

ние именно здесь. Киж оказался не только любвеобилен, но и плодовит. Многочисленные «бастарды Павла Великого» получали фамилию «де Киж». Но это было не уловкой, обычной в таких случаях, а прямым указанием на подлинное отцовство.

– Значит, я на самом деле все-таки потомок этого Киж?

– Повторяю, правильное считать, что ты потомок Павла, – сказал Ангел. – Киж был его точной физической копией, сохранившей даже его недуги. А личность Киж не имеет к тебе никакого отношения. Создание Киж – важнейшее событие в жизни Павла, Алекс. По сути, именно этот алхимический акт мы и воспроизводим в ритуале *Saint Rapport*. Это был акт подлинного творения. Опыт Павла оказался не просто успешен, а чересчур успешен.

– Что значит – «чересчур успешен»?

– Знаешь, есть такая пословица – «первый блин комом». Ком – это шар. То есть нечто такое, из чего можно нарезать много-много блинов. Смысл выражения в том, что в первый опыт часто вкладывают излишне много сил, и результат оказывается, как бы сказать... Чрезмерным.

– В каком смысле?

– В том, что, несмотря на воскрешение Киж в Идиллиуме, первоначальному Киж так и не удалось до конца умереть в Петербурге.

– Как это?

– Он вышел у Павла слишком живучим. Практически бессмертным. Его физическое тело было очень трудно убить. А тонкие оболочки – те, что называют эфирным и астральным двойником – оказались настолько прочными, что ни одна сила на Ветхой Земле не могла их разрушить.

– Но его все же убили?

– В некотором смысле да, – сказал Ангел. – А в некотором – нет. То, что я скажу тебе сейчас, – одна из самых тщательно охраняемых тайн дома Романовых-Гольштейн-Готторп-Гогенцоллернов. Понадобилось сто семьдесят два удара табакеркой в висок, чтобы Киж только потерял сознание и прекратил сквернословить. Его тело расчленили, но сердце продолжало биться еще трое суток... С физическим телом заговорщикам удалось кое-как справиться, растворив его в кислоте, но тонкая оболочка Киж оказалась неубиваемой. Нерастворимой, так сказать, в мировом эфире. Мало того, она как бы прикипела к месту убийства, оказавшись привязанной к спальне Павла своего рода энергетическим поводком. И призрак Киж действительно бродит до сих пор по коридорам Инженерного замка.

– То есть призрак, о котором говорил Алексей Николаевич – это Киж?

– Конечно. Как ты думаешь, почему несуетливые Романовы покинули дворец, построенный с такими затратами? Почему они отдали его под училище и стали обдирать с него серебро и мрамор?

– Не знаю, – ответил я. – Наверно, из-за цареубийства.

– Цареубийство в Ветхой России всегда было нормой. Призраками царскую семью не удивить. Но если со своим бесплотным родственником Романовы еще смогли бы сожительствовать, зажигая ему в дворцовой церкви свечи и лампадки, то Киж по своим проявлениям больше напоминал демона, чем мирное привидение. Он...

Ангел запнулся, словно не решался продолжить.

– Что он?

– Он был создан из такого переизбытка Флюида, что мог даже приобретать физическую телесность. Делать то же самое, что ты сделал с рукой во время опыта в парафиновой ванне. Киж мог на короткий срок оплотнеться всем телом. Или материализовать небольшую свою часть – но уже надолго. Если ты вспомнишь, что у Киж было больше пятисот любовниц, ты без труда догадаешься, с какой именно частью своего тела он это проделывал. А у Романовых были дети. Дочери. Понимаешь?

– Что же он за монстр? – недоверчиво прошептал я.

– Он не монстр, – ответил Ангел. – Просто дитя своего времени. Павел создал его главным образом из Флюида, выделенного гвардейским полком – на площади в то время были одни унтера. Киж и не мог получиться другим. В этом нет его вины. Теперь понимаешь?

Я отрицательно покачал головой.

– Павел, как и обещал, оживил Киж в Идиллиуме, – продолжал Ангел, – но новое бытие бедняги оказалось неустойчивым и зыбким, потому что его незримая неубиваемая основа осталась в Петербурге. Киж успел наплодить здесь потомства, но после смерти новой физической оболочки дух его обрушился назад – в ту самую спальню, где он был убит.

– Хорошо, – сказал я. – Это очень интересно. Но все равно ничего не сходится.

– Что не сходится?

– Пускай Киж прикован к месту своей смерти в Михайловском замке на Ветхой Земле. Но ведь там был не Киж. И руку в парафин опускал не Киж, а я!

Ангел улыбнулся.

– Алекс, – сказал он, – вспомни, кто ты. Твое имя – Алексис де Киж. Другими словами, ты тот самый поток Флюида, из которого Павел когда-то создал своего первого гомункула. Но отделить этот поток от самого Павла невозможно, поэтому ты потомок не столько Киж, сколько Павла. Он – исток реки, а ты – ее устье. Эфирное тело Киж, прикованное к Инженерному замку, – тоже часть потока. Если угодно, река в ее среднем течении. Таков корень, откуда растешь ты и весь ваш род.

– Спасибо.

– Из-за этого твое сознание может соскальзывать в неуничтожимую оболочку Киж и одушевлять ее. То же самое способны делать все другие Смотрители из рода де Киж. Поэтому, хоть они мало походят друг на друга, в парафине всегда отпечатывается одна и та же рука. Рука изначального Киж. Она же рука Павла, потому что внешне они были неотличимы. Это, если угодно, ваш родовой аттракцион. Нечто, придающее вашей фамилии поистине царское величие.

Некоторое время мы молчали – и я с наслаждением следил за тем, как последние осколки ледяного ужаса, совсем недавно заполнявшего мою грудь, тают от эха этих слов.

– Теперь ты успокоился? – спросил Ангел.

Я кивнул.

– Почему, спрашивается, нельзя было меня предупредить?

– Потому, – ответил Ангел серьезно, – что это не помогло бы. Видишь ли, нет никакой возможности доказать, что мой рассказ – не посмертная хитрость призрачного Павла, прячущего от себя страшную правду.

У меня екнуло в груди.

– Черт, – простонал я. – А вот это зачем надо было мне сейчас говорить?

Ангел захохотал. В этот раз он смеялся долго, очень долго – и мне показалось, что он разрастается надо мной в огромную электрическую тучу, откуда вот-вот ударит молния. Но все кончилось иначе – небесный хохот словно бы истощил его, и часовня вернулась к своему прежнему виду. Ангел сжался до размеров своей статуи – и я понял, что наш разговор обессилил его.

– Будь достоин своей великой свободы, – сказал он. – Завтра в Михайловский замок прибывает твой новый ментор Менелай. Он обучит тебя управлять Флюидом. Как только ты приобретешь необходимый минимум навыков, мы встретимся вновь. Приступай к тренировкам немедленно и ни на что не отвлекайся.

– Хорошо, – сказал я. – Могу я задать еще один вопрос?

– О чем?

– О Юке.

– Что ты хочешь спросить?

– Помните, вы спорили с другими Ангелами? Я не понял, почему вы сказали, что она – проекция моего сознания.

– Мы все проекции сознания друг друга, – сухо ответил Ангел.

– Но вы говорили, Оленьим Парком занимается Департамент Воды. И поэтому вы...

– Забудь про Юку и Олений Парк. До того как ты завершишь тренировку, не смей даже думать ни о чем постороннем. Тем более о женских юбках.

– Но...

– Забудь хотя бы до конца занятий с Менелаем, – повторил Ангел. – А еще лучше – совсем. Теперь иди.

Я поклонился. Когда я снова поднял голову, Ангел стоял на своем прежнем месте в углу.

Выйдя из часовни, я поглядел на статую Павла Великого у входа. Павел держал в одной руке длинное копье – офицерский эспантон. Палец другой его руки был приложен к губам.

Павел советовал помалкивать, но стоящий рядом Франклин не слушался – и тихо-тихо пел.

II

Менелай, мой наставник в изучении Флюида, был тем монахом, что вез меня на монгольфьере вместе с Галилео. Готовясь к встрече, я заглянул в комментарий к табели о духовных рангах. Оказалось, слово «невозвращенец» не было расплывчатой метафорой: чин зауряд-архата (или, что то же самое, анагамина) означал последнюю жизнь в человеческом теле.

Говорят, у подвижников, достигших подобного совершенства, бывает тяжелый характер – или так кажется нам, обывателям, потому что за годы своей практики они полностью сжигают привычку к ежеминутной мелкой лжи, делающей нормальное человеческое общение возможным.

С ними действительно нелегко иметь дело – если вы подходите к подобным существам как к людям. Но для меня Менелай стал скорее говорящим учебником. И в этом качестве он не имел себе равных.

Менелай был монахом Желтого Флага. До ухода из мира он служил старшим шивой в департаменте Земли, отвечая за сельскохозяйственные урожаи и надои – ему, видимо, я и был обязан бесконечными унылыми дождями своей юности. Он обладал чудовищной силой – но не собирался передавать ее всю: нашей целью был всего лишь необходимый для Смотрителя минимум знаний.

Уроки наши продолжались почти месяц и оказались очень интересными. Но понять, что на них происходило, сможет только другой работающий с Флюидом медиум – поэтому я не буду углубляться в детали и сведу эту часть своего рассказа к минимуму.

Менелай обучал меня взаимодействию с физическими объектами (что включало их создание и уничтожение). В его манере говорить проскальзывало что-то провинциально-буколическое, но я не роптал. Это даже успокаивало.

– Как ты думаешь, почему медиума, работающего с Флюидом, называют «шивой»? – спросил он во время первого урока.

Я пожал плечами.

– Это имя используется, потому что Шива – бог, занятый одновременно творением и разрушением. Они кажутся взаимоисключающими, но на самом деле невозможны друг без друга – без творения нечего разрушать, а без разрушения негде творить. Эти два аспекта связаны друг с другом через танец.

– Как именно? – спросил я.

– Через танец, – улыбнулся Менелай. – Когда ты спрашиваешь «как именно», ты просишь связать их через слова. Но здесь не дается подробных объяснений – как и при обучении танцу. Когда ты танцуешь, ты не вспоминаешь названия движений. Ты не планируешь, куда поставить ногу, и не размышляешь, как оторвать ее от земли. Танцор делает все интуитивно, ухитряясь не наступать на туфли партнерше и не толкать стоящих рядом. Он чувствует ритм и совершает единственное движение, правильное в этот миг. Последовательность таких движений и есть танец. Шива не говорит, а танцует.

Менелай сделал несколько вальсирующих шагов. Он явно отстал от эволюции танца – что, наверное, и позволяло ему пользоваться подобными метафорами.

– Как только ты перестанешь быть частью танца, – продолжал он, – ты отдавишь партнерше ноги, врежешься в соседнюю пару и твое личное самовыражение станет препятствием для мироздания... Даже Шива танцует, подчиняясь правилам. Разница лишь в том, что его танец происходит в самом центре мира. Но это не значит, что у него больше свободы. У него больше ответственности. От его танца зависят танцы остальных.

За этой сельскохозяйственной поэзией стояли на самом деле простые вещи. Флюид обладал чем-то похожим на физические качества – вязкость, густоту и так далее (сравнение при-

близительное, но лучшего нет). Ему была свойственна как бы собственная частота вибраций – и направленные на него влияния должны были попадать с ней в резонанс.

Это действительно походило на танец с партнершей – огромной, как гора, и весящей столько, что торопить или удерживать ее было бесполезно. Следовало подлаживаться под ее темп – но если удавалось на миг стать с ней одним, она послушно двигалась туда, куда ее направляло легчайшее касание перста.

Отчего-то мне казалось, что в мемуарах Моисея, когда их найдут, будут описаны очень похожие взаимоотношения и с Красным морем, и с Иеговой Четырехбуквенным.

Постепенно я стал лучше видеть, что происходило при простых манипуляциях с Флюидом. Например, у нас было упражнение: «открыть стену» (то есть пройти через нее).

– Пройти сквозь стену, конечно, нельзя, – сказал Менелай. – Но можно пройти через проделанную в ней на время брешь, что выглядит точно так же.

Флюид совершал во время этой операции два разных действия, похожих на движения волны, сперва разрывающей преграду, а затем отбегающей назад, оставляя все таким, как было.

Между этими фазами возникал как бы миг неясности, заминка – тогда-то и можно было проскользнуть сквозь брешь, появлявшуюся не то в стене, не то в самой реальности. Менелай был прав, обсуждать тут было нечего: такая же брешь образовывалась и в понимании происходящего. Иначе люди давно описали бы все в книгах и занимались бы только хождением через стены.

Тем не менее кое-что я все-таки понимал. Чем острее становилось мое внимание, тем короче делались отрезки, на которые дробилось время – и когда их последовательность превращалась как бы в бесконечное многоточие, я начинал видеть, что нет ни стены, ни дыры в ней, а есть Флюид в разных фазах – то застывший камнем, то разогретый в газ, то ставший пустотой.

Я вообще ничего не делал с миром, а всего лишь заставлял Флюид менять состояние и форму. Вернее – и в этом было, если разобраться, самое главное и головокружительное, – я не столько заставлял Флюид трансформироваться, сколько учился миг за мигом видеть его по-разному, как бы меняя собственную скорость. Это давало тот же результат.

Четыре Великих Элемента были просто разными состояниями Флюида – твердым, жидким, газообразным и огненным. Это было для меня ясно как день – но я знал, что ученые монахи, лишенные практического опыта, склонны считать подобные утверждения ересью: в монастыре, где я вырос, одного из монахов при мне выпороли за похожее заявление солеными розгами.

Теперь я знал, что он был прав, – и понимал, почему другие монахи не могли убедиться в этом сами: чтобы замечать такие вещи, следовало иметь очень тренированное и подвижное внимание.

Я думал, что Менелай научит меня использовать Флюид в боевых целях. Но он этого делать не стал.

– Никколо был мастером боевых искусств, – сказал он. – Это его и погубило. Он постоянно искал, где себя показать. Его убийцы знали об этом и регулярно обводили его вокруг пальца. В последний раз – вообще вокруг хвоста...

И Менелай захохотал над собственной шуткой. Он, несомненно, был знаком с обстоятельствами гибели Никколо Третьего – и, хоть в его словах не было особого уважения к памяти покойного, по существу он был прав.

– Я учил Никколо строить из Флюида башни, – сказал он. – Объяснял, как сжимать пространство в точку и вообще показывать разные фокусы. А потом научил его сражаться. Тем самым я вырыл ему могилу... С тобой я этой ошибки не повторю. Я научу тебя только одному – останавливать наносимый тебе удар. Создавать между собой и атакующим преграду

из Флюида. Все остальное время ты должен убегать как можно быстрее. Если б Никколо придерживался этой тактики, он до сих пор бы лапал своих девчонок...

Менелай все время повторял, что его роль – научить меня хорошо чувствовать Флюид и легко приводить его в движение, а особым навыкам, необходимым именно Смотрителю, меня научат Ангелы. В конце концов я не выдержал и попросил его объяснить, что это за таинственные навыки.

– Я просто не знаю, – улыбнулся он. – И не хочу.

– Почему? – спросил я.

– Если выяснить о мире слишком многое, придется специально сюда возвращаться, чтобы это забыть. А я все-таки невозвращенец.

Он, однако, знал о мире немало – и немало странного. Когда я сталкивался с фрагментами этого знания, у меня от изумления кружилась голова. Но происходило подобное чаще всего случайно – Менелай никогда не объяснял мне того, без чего в нашем обучении можно было обойтись.

Однажды он посадил меня за стол, сел напротив и положил между нами резонатор – медную горошину с еле намеченными чертами человеческой головы (в ордене Желтого Флага считалось, что это символическая голова Франца-Антоня, но резонаторы не особенно ее напоминали и даже редко походили друг на друга). Затем он попросил меня растворить резонатор в воздухе, навсегда и без остатка.

Сперва это показалось мне невозможным. Даже проходя через стену, я не распылял ее материальность полностью, а просто заставлял на миг расступиться. А здесь Менелай потребовал, чтобы трансформация была постоянной и шарик нигде не возник снова.

Я немедленно задался вопросом – куда при этом денется медь? Может быть, в воздухе станет больше ее частиц? Или она где-то выпадет в осадок? Подобное, конечно, совсем меня не касалось, но я не мог забыть эту глупую проблему.

Потом я вспомнил, что металл, как и все остальное, есть просто форма Флюида, и дело чуть стронулось с мертвой точки: горошина начала худеть. Менелай внимательно смотрел на нее – а я чувствовал, как в моем солнечном сплетении нарастает боль, словно в живот мне уперся чей-то острый локоть.

Прошло минут десять, и в медной голове появилась отчетливо видная ямка на месте глаза. Еще час или два, думал я, и дело будет сделано. Если, конечно, я не умру от боли под ложечкой...

Глядя на меня, Менелай недовольно морщился.

– Ну что это за мальчишество, – сказал он наконец. – Хозяева Флюида так себя не ведут.

– Я что-то делаю не так? – спросил я удивленно.

– Нет, – ответил Менелай. – Ты делаешь не так не что-то, а все. Тебе нужно избавиться от кусочка меди. Почему бы тебе не опустить его под стол, чтобы я его не видел? После этого он исчезнет быстро и незаметно. Зачем создавать столько промежуточных стадий у меня на виду? Это неэкономно. Трансформу не проводят, когда ее объект доступен чужому вниманию... Конечно, за исключением случаев, когда целью опыта является именно демонстрация трансформы. На Ветхой Земле это называют чудесами. Но те, кто этим занимается, обычно живут недолго.

Он положил передо мной второй резонатор. У этой медной головы был большой блестящий нос и дырочка на темени – она, похоже, была снята со старых четок.

– Попробуй сам.

Я сжал резонатор в кулаке, убрал руку под стол, направил в горошину Флюид – и она послушно исчезла через несколько секунд.

Боль в моем животе при этом полностью прекратилась.

– То есть мне следует шустрить у людей за спиной? – спросил я.

– Так же поступает и Бог, – улыбнулся Менелай. – Ведь мы не видим, например, как седеют волосы. Или как растут ногти. Мы замечаем, что волосы поседели, а ногти отрасли. Хотя теоретически этот процесс занимает много времени.

Я поглядел на его голову. Щетинки над ней не торчали – он был тщательно выбрит. Но в парик, выколотый на его коже, добавилась татуированная седина. Я точно помнил, что во время нашей встречи на монгольфьере ее там не было. Видимо, Менелай с тех пор выбелил рисунок, чтобы случайно не нарушить монашеских правил, запрещающих косметику. Такое буквальное выполнение обетов впечатляло: Менелай явно не собирался возвращаться в эту скорбную юдоль ни при каких обстоятельствах.

– Все происходит постепенно, – сказал я. – Мы просто не обращаем внимания.

– Если бы ты занимался духовной практикой, – ответил Менелай, – то знал бы, что такой вещи, как «внимание», вообще нет. Как и все остальное в человеческой голове, это всего лишь остроумная игра слов. Мы называем словом «внимание» то обстоятельство, что в сознании происходит определенный процесс. Скажем, некий объект длительное время существует как центральный сегмент поля восприятия. При грамотной работе с Флюидом медиум сначала убирает этот сегмент из чужих умов. А потом делает с ним что хочет. Вспомни: что видят двое, видит Верховное Существо. А то, что видит один, – это личное путешествие. Если мастер Флюида – а Бог, как известно, лучший из его мастеров – захочет скрыть перемену, ее не заметит никто.

– Но у этого принципа есть границы, – возразил я. – Ведь есть не только память, но и память о том, какой была память. Некий центральный реестр ума, где записано главное.

– Изменить в человеческом сознании можно все. В каком угодно реестре и картотеке. Там нет ничего постоянного. Память – и личная, и историческая – это просто колода карт. Если к ней приближается шулер, мы можем за пять минут переехать в другой мир. А шулера треплют эту колоду, вырывая ее друг у друга, всю историю человечества.

– Историки говорят, у них все ходы записаны, – сказала я.

– Конечно, – ответил Менелай. – Кто бы сомневался. Но почему-то на той же самой колоде.

– А что, другой нет?

Менелай развел руками.

– Увы. Человеческому уму негде бросить якорь.

– Что, и я тоже просто колода карт?

Он кивнул.

– Кто тогда мной играет?

Менелай весело посмотрел на меня.

– Ни ты, ни я никогда этого не узнаем, – сказал он. – Ни один самый мудрый историк – ни здесь, ни на Ветхой Земле – никогда не выяснит, кто, как и почему меняет мир. По той простой причине, что мы способны замечать изменения лишь тогда, когда нам оставляют о них память. Сейчас тебе повезло, потому что твоей колодой играю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.